

Александр Жолковский

## **"Я БЕСПОРЯДКОВ НЕ НАРУШАЮ": ЗОЩЕНКО И ВЛАСТЬ**

### **1. К постановке проблемы**

Цитата, вынесенная в заголовок, взята из первой же книги писателя, "Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова" (1922):

[П]редседатель Рюха... ко мне подходит. – Ты что же это, говори, нарушаешь тут беспорядки?... – [Я] ему тихоньким образом внедряю: – Я, говорю, беспорядков не нарушаю. Ни отнюдь. Но, говорю, как же так если это мое добришко, так имею же право руками трогать? ("Чертовинк"; 1: 48 1).

Этот идиотический, казалось бы, оксюморон эффектно удвоен проведением сначала в допрашивающе-утвердительном, а затем в подобострастно-отрицающем ключе и прочно замотивирован: по сюжету – семейной и имущественной тяжбой (вернувшийся с войны солдат находит своих жену и дом принадлежащими другому и лезет драться), а стилистически – неграмотностью рассказчика. Главное же, он эмблематичен как для самой советской ситуации с ее институализованным беззаконием, так и для глубоко амбивалентного взгляда на нее Михаила Зощенко.

Обсуждение этой темы можно было бы повести по пути реконструкции фактических взаимоотношений Зощенко с советской властью. Их история строилась бы вокруг нескольких характерных сюжетов. Первый, наиболее привычный, это, конечно, критика, а затем и травля Зощенко враждебной диктатурой, причем идеологические нападки на творческую продукцию писателя переплетаются с преследованиями и арестами его близких, друзей и литературных единомышленников. Вот основные вехи этого сюжета:

**1922:** статья Воронского с требованием большей идеологической определенности в позиции писателя. **1924:** изгнание жены Зощенко из Университета за дворянское происхождение. **1927:** критика повести "О чем пел соловей" в "Известиях"; арест брата жены Зощенко по обвинению в шпионаже. **1928:** разгон редакции "Пушки", арест Войнова. **1930:** запрещение пьесы

"Уважаемый товарищ"; попытки уплотнения Зощенко ЖАКТОм. 1931: арест Стенича. 1933: арест матери жены Зощенко. 1933-1934: цензурные проблемы с "Возвращенной молодостью" (ВМ). 1936: Критика "Голубой книги" (ГК) в "Правде". 1937: арест брата Зощенко и его жены; повторный арест Стенича. 1943: остановка публикации "Перед восходом солнца" (ПВС); постановление ЦК с выделением ПВС как политически вредной книги; критика ПВС Союзом Писателей. 1944: выселение Зощенко из гостиницы "Москва"; политическое осуждение ПВС в журнале "Большевик"; вызов в Ленинградское управление госбезопасности для объяснений о ПВС. 1946: постановление ЦК, доклад Жданова, исключение из Союза Писателей, лишение продуктовой карточки. 1949: запрещение комедии "Здесь вам будет весело". 1954: травля после встречи с английскими студентами.

Параллельный сюжет – лояльные реакции Зощенко на эти гонения, в основном всякого рода "хлопоты" и письма в писательские и советские инстанции и к их влиятельным членам, в 20-е годы часто с успехом, с середины 30-х почти безуспешно:

1927: нерешительные сначала хлопоты Зощенко за брата жены, обращение в обком партии. 1928: письмо в обком в защиту Войнова. 1930: письмо Горькому с просьбой о защите от уплотнения. 1931: письмо Никулину в защиту Стенича. 1933: хлопоты за мать жены; помощь Горького против цензурных придирок к ВМ. 1940: письмо в защиту Стенича в Верховный Суд. 1943: письмо Сталину в защиту ПВС. 1944: письмо Щербакову о том же; отстаивание своих позиций в Управлении ГБ. 1946: письма Сталину и Жданову с объяснениями в ответ на постановление ЦК. 1947: посылка "партизанских рассказов" Поскребышеву; возвращение Зощенко продовольственной карточки; публикация Симоновым по указанию Сталина партизанских рассказов в "Новом мире". 1949: письмо Фадееву с вопросом "что делать, чтобы не быть лишним человеком в государстве?" 1950: посылка Маленкову комедии "Здесь вам будет весело". 1953: заявление о восстановлении в Союзе Писателей; письма по этому поводу ряду писателей; 1956: письмо ряда писателей в ЦК о восстановлении доброго имени Зощенко.

Особенно интересны, конечно, более крайние реакции: с одной стороны, собственная причастность писателя к власти, а с другой, более редкие, ибо рискованные, проявления открытого несогласия. При этом именно причастность к власти, психологически восходящая к командному опыту Зощенко в годы Первой мировой войны, позволяет ему добиваться успехов в хлопотах. Вот эта "коллорационистская" биография Зощенко:

**1917:** комендантство на Петроградском почтамте (при Временном правительстве). **1919:** работа старшим милиционером угрозыска. **1927:** робость при знакомстве с Луначарским. **1933:** поездка в составе бригады писателей на лагерную стройку Беломорканала. **1934:** публикация "Истории перековки" в книге "Канал им. Сталина"; членство в правлении Союза Писателей; приглашение от редакции "Известий" (и лично Бухарина) переехать в Москву. **1936(?)**: информация от "милиционера" (т. е. агента ГПУ), с которым живет жена Зощенко, о подготовке массовых арестов. **1937:** выступление на собрании писателей в связи с процессом Пятакова и Радека. **1938:** избрание в президиум Ленинградского отделения Союза Писателей. **1939:** публикация "Рассказов о Ленине". **1940:** хлопоты в роли официального лица о квартире для Ахматовой. **1941:** эвакуация из осажденного Ленинграда по инициативе обкома партии. **1943:** поездка в Москву по вызову ЦК.

Что же касается несогласия Зощенко с властью, то оно старательно подавляется, внешне и внутренне, но иногда прорывается наружу в виде твердости в письмах советским руководителям и показаниях органам безопасности, а иногда и в виде публичных жестов недвусмысленного вызова.

**1918:** написание фельетона "Я очень не люблю вас, мой властелин". **1919:** уверенный отпор администраторам в Студии Чуковского. **1922:** публикация шуточной аполитичной автобиографии "О себе, идеологии и еще кое о чем" – вызывающий ответ на идеологические претензии Воронского. **1954:** отказ в беседе с английскими студентами принять ждановские формулировки и, значит, признать себя "подонком"; отпор официальным хулителям во главе с Друзиным на писательском собрании.

Дальнейшая разработка этих исторических сюжетов состояла бы в их обогащении новыми архивными данными о Зощенко и соответственном уточнении его попутнической позиции. Оставляя эту задачу специалистам документального профиля,<sup>2</sup> я пойду другим, не менее профессиональным, путем – обращусь не к жизни, а к творчеству писателя, не отказываясь, впрочем, от привлечения по мере надобности и биографических параллелей. Речь пойдет об отношении Зощенко к власти – власти вообще и советской в частности – как оно преломилось в его поэтическом мире.

В ряде статей я предложил пересмотреть принятое прочтение Зощенко как разоблачителя некоего малокультурного "мещанско-советского" дискурса и увидеть в его текстах амбивалентную мифологизацию его собственной сложной личности, изображенной и проанализированной в ПВС; условно назовем этого полувывмышленного персонажа МЗ.<sup>3</sup> В свете ПВС знаменитый "зощенковский персонаж" из комических рассказов и фелье-

тонов предстает тоже плотью от плоти своего времени, но в ином измерении, роднящем Зощенко не столько с социальными сатириками типа Пантелеймона Романова или Ильфа и Петрова, сколько с писателями экзистенциального склада, например, Кафкой.

Зощенковский взгляд на мир характеризуется "страхом перед непрочностью жизни", "жаждой покоя и порядка" и "недоверчивыми поисками защиты от опасностей". Ненадежность жизни определяет ненадежность повествовательной манеры (*unreliable narrative*) — сказа, полного иронии и автоиронии, альтернативных предположений, языковых провалов и пр. Многообразными вариациями на эти установки и являются "типично зощенковские" мотивы. Нас, естественно, будут интересовать те из них, которые имеют более или менее прямое отношение к "власти".

О релевантности для писателя этой проблематики говорит уже само обилие у него текстов на соответствующие сюжеты — политические, уголовные и смешанные. Отношение Зощенко к власти в целом амбивалентно, восходя, согласно ПВС, к страху его автобиографического героя перед родительскими фигурами (отцом, матерью, дедушками и бабушками) и потребности в их покровительстве; отсюда его выбор непроницаемо-двусмысленной человеческой и повествовательной маски как средства мимикрирующей адаптации.<sup>4</sup> Набор типичных оборонительных установок (в ПВС и других текстах) включает: разработку проверочных и превентивных мер, возведение защитных барьеров, бросание вызова власти, прибегание под сень порядка, поиски и признание собственной вины, подавление/исправление собственных иррациональных стремлений ("ошибок") и принятие минимального удовлетворения ("мертвенного покоя/порядка") как разумного компромисса с действительностью.<sup>5</sup>

Основные градации в зощенковской трактовке власти — это две крайние (*pro* и *contra*) и промежуточная (*ambi*). Градации тонкие, ибо открытая антисоветчина не допускалась, а амбивалентность вообще была присуща Зощенко.

## 2. Contra

Начнем с ожидаемых от сатирика "антиавторитарных" мотивов, то есть, говоря в терминах зощенковских инвариантов, отождествления (советской) власти с опасностями, подстерегающими героя, и ответного противостояния им.

Корни такого умонастроения восходят к ранним впечатлениям МЗ-ребенка. В ПВС есть ряд эпизодов подавленно-обиженной или вызывающе-воинственной реакции МЗ на унижение, претерпеваемое от начальствен-

ных фигур, сначала в дореволюционном детстве, а затем и в советское время:

от высокопоставленного чиновника, от которого зависела пенсия за рано умершего отца (З: 590-591); от учителя, в которого МЗ в ответ на издевательство угрожает плюнуть (З: 549-550); от другого учителя, поставившего МЗ единицу и написавшего "Челуха" на сочинении о Тургеневе, из-за чего МЗ пытается покончить с собой (З: 467); от редактора толстого журнала, который отвергает рассказы МЗ, гордо уверенного, однако, в своей правоте (З: 507).

В комических рассказах на власть может возлагаться и непосредственная ответственность за "непрочность жизни". Такова, например, философская трактовка переменчивости советского пантеона вождей вследствие политических репрессий:

Пассажиры парохода "Товарищ Пенкин", услышав, что "расписание сейчас неточное", спешат вернуться на борт. Раньше времени пароход не уходит, но оказывается переименованным по идеологическим причинам. Это повторяется трижды, каждый раз вызывая тревогу у гуляющих по берегу пассажиров, пока, наконец, пароходу не присваивается имя Короленко. "[М]ожно не сомневаться, что это наименование так при нем и осталось. На вечные времена. Тем более, что Короленко умер. А [репрессированный] Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования... [Н]еудача заключается... в том, что люди бывают как бы живы... С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживыми. А с другой стороны, так сказать, покорно вас благодарю... Так что тут, так сказать, с двух сторон теснят человека неприятности" (ГК, "Происшествие на Волге"; З: 358-360).

Чаще, однако, тема репрессий и связанного с ними "беспокойства" дается на более скромном – некремлевском – уровне:<sup>6</sup>

Заадминистрировавшийся председатель сельсовета вынужден вернуть имущество, конфискованное им у граждан в связи с поимкой и арестом якобы "международного" почтового голубя. "В общем... беспокойства у него было много". Тем временем голубь улетает, и "мы теперь имеем небольшую душевную тревогу, как бы он... не наделал... снова каких-нибудь происшествий" ("Усердие не по разуму"; 2: 378-381).

Типичная коллизия вне политической сферы – невнимание власти к интересам индивида, проявляющееся в том или ином нарушении его интере-

сов и неприкосновенности. В виде грубой физической силы власть предстает, например, в рассказе "Закорючка" (1: 410-412) с его образом голой руки, высовывающейся из окошка проходной, и в "Страданиях молодого Вертера", где на героя-рассказчика налагается цепкая "клешня" дружинника. Этот упор на "руку" соответствует как зощенковской фобии руки, описанной в ПВС, так и традиционной символике власти.<sup>7</sup>

В другом характерном сюжете роль устрашающего орудия власти берет на себя еще один "больной предмет" зощенковской психики – "вода".

При виде поливальной машины рассказчик, "конечно, прижался к ограде", понимая, что поливальщик "вряд ли... уважит ходьбу двух отдельных людей", а другой пешеход "пошел напролом... и был облит, так сказать, охлажден в своем оптимизме" ("На улице"; 1991: 491-493).

Человеку приходится беспокоиться, проявлять бдительность и спастись на свой страх и риск, ибо власть не только не выполняет своей главной роли – гаранта порядка, но и, напротив, выступает в качестве источника опасности.

То же – в рассказе о задержке с открытием пригородной кассы, где развивается излюбленная Зощенко мысль о "взаимодействии колесьев" как метафоре "правильного функционирования", воплощающего идеальный порядок.<sup>8</sup>

"Возьмите для примера военное дело. Там у них все согласовано. Во всем полное взаимодействие всех частей. Каждая мелочь совпадает, и каждая часть одновременно работает, как колесья одной машины. Самолеты бомбят. Танки наступают. Пехота движется. Машины подвозят горючее. Кухни варят обед. Кассы продают билеты. Врачи перевязывают. Техники чинят. И так далее".

[Я] на работу не запоздал, потому что я имею хорошую привычку выходить с запасом времени. В этом смысле у меня нет полной согласованности со всеми остальными колесьями транспорта, и благодаря этому я выигрываю" ("Все важно в этом мире"; 2: 452-454).

Тема "(не)правильного взаимодействия с властью" представлена и в знаменитой истории с галошей, которую потерять именно в трамвае вроде бы "святое дело" (инвариантный мотив "[якобы] гарантированный покой"<sup>9</sup>), но, во-первых, мешает бюрократическая волокита, а во-вторых, другая галоша теряется уже не в трамвае (ГК, "Мелкий случай из личной жизни"; 3: 371-373); и в трагикомических перипетиях вызова похоронной

колесницы для засыпающего летаргическим сном, а затем и по-настоящему умирающего старичка (ГК, "Рассказ о беспокойном старике"; 3: 385-389).

Тенденция начальства к нарушению территориальных и личных границ человека доходит до того, что оно залезает ему непосредственно в рот.

Комячейка требует, чтобы рабочий выломал только что вставленные золотые зубы и отдал их в фонд безработных ("Социальная грусть"; 1: 500-501)).

Страховка оплачивает протезирование при выпадении не менее восьми зубов подряд, и герой нарочно выковыривает здоровые зубы ("Зубное дело"; 1: 402-403).

Особую сферу вторжения власти на территорию индивида являет секс. Формы такого вторжения могут быть как более или менее символическими, так и достаточно прямыми.

Символическая кастрация подчиненного начальником в результате выигрыша в билиард принимает форму добровольно-принудительного обстригания усов ("Веселая игра"; 2: 305-308).

Рассказчик приходит домой, но его передовая жена и ее сослуживец не открывают ему. Слабый здоровьем герой не может драться, милиция отказывается помочь, но через полчаса его выпускают, и оказывается, что там сидят сослуживцы – у них было заседание, а кроме того, "над вами подшутили. Охота нам было знать, что это мужья в таких случаях теперь делают ("Муж"; 1: 315-316).

"Передовой" герой пытается не реагировать на то, что у жены допоздна сидит сослуживец, но в конце концов грубо вышвыривает его ("Новый человек"; 1: 154-155).

Мотивы в первом случае "игры", а во втором "розыгрыша" отчасти смягчают ситуацию (отметим, кстати, в рассказе "Муж" инвариантный мотив "проверки"), третий же интересен, с одной стороны, переводом вторжения на идеологические рельсы, а с другой – оказанием прямого отпора. Обращу также внимание на естественное совмещение "властной" темы с "гостевой", а значит, и "родительской".<sup>10</sup>

Кстати, обеим "адюльтерно-гостевым" коллизиям находят интересные биографические параллели – роман жены писателя с "милиционером"<sup>11</sup> и ее любовь к приему гостей,<sup>12</sup> а также один романтический эпизод из жизни Зоценко, многообразно сплетенный с надзором ГПУ:

Договорившись связаться с женщиной тайно от ее мужа и любовника через почту до востребования, МЗ сам посылает себе письмо, "чтобы проверить почтовых работников Ялты", рассудив, что если вместе с письмом от женщины будет два конверта, то служащая наверняка не пропустит их. Письмо попадает в руки перлюстраторов, о чем Зоценко узнает лишь через много лет, причем тоже в ходе адюльтера с женой некого работника органов.<sup>13</sup>

Идеалом Зоценко являются герои, сознательно преодолевающие страх и проявляющие "удивительную смелость" перед лицом силы, власти, даже смерти. Таковы в ГК:

протопоп Аввакум (3: 417); свергнутый и несправедливо судимый фельдмаршал Миних (3: 417-418); герой гражданской войны Подтелков, произносящий дерзкую речь перед казнью (3: 406); римлянин Муций Сцевола (3: 413-414); и его современный аналог – хилый, но волевой студент, побивающий силача-водолаза (3: 428-431).

Изощренно двусмысленная "проверка смелости" (совмещение мотивов "смелость" и "испытание") происходит в рассказе "Испытание героев":

Некий местный комиссар инсценирует реставрацию старого режима, и лишь один из совслужей смело противостоит власти, правда, не реальной власти красных, а воображаемой – белых. Рассказчик, вторя герою, заключает: "Я имею скромное мнение, что Николай Антонович был настоящий мужественный герой. А если вы с этим не согласны, то я все равно своего мнения не изменю" (2: 228-229).

Пример вызова, бросаемого власти на художественном фронте, – рассказ о монтере, отказывающемся "освещать производство", ибо там ценится только тенор (читай – Лев Толстой, Блок, "большая" литература и т. п.). Сам Зоценко, подобно монтеру, тоже в одних случаях "затаивает грубость", а в других дает ей отчаянный выход – вспомним примеры из ПВС в начале данного раздела и отпор самого Зоценко проработчикам во главе с Друзиным в 1954 году.<sup>14</sup>

### 3. Ambi

Перейдем к "амбивалентно-эзоповской трактовке власти". Частый мотив – желательность порядка, но сомнительность его российской, в част-

ности, дореволюционной реализации. Например – ссылки на старорежимное самоуправство и общую неспособность россиян к организации:

Он иронически подшучивал, говоря, что в нашем любезном отечестве всегда почему-то было затруднительно жить и эта трудность и по сие время остается (ВМ; 3: 56).

"Европейская аккуратность, чистота... Порядок. Едешь будто по германской территории... [Д]исциплина. Русскому человеку невозможно без дисциплины... Только русский человек дисциплину неправильно понимает"; следуют примеры нелепого следования дисциплине в России до и после революции ("Дисциплина"; 1: 126-128).

Критика официальной советской идеологии может одвусмысливаться путем вкладывания в уста отрицательных персонажей:

Что касается взглядов, то он, знаете, не вождь и не член правительства, и, стало быть, он не намерен забивать свою голову лишними взглядами (ВМ; 3: 37).

Эта речь негодяя Кашкина из ВМ в защиту свободы мнений перекликается с вызывающими положениями сказово-полемиической автобиографии Зощенко 1922 года:

С точки зрения людей партийных я беспринципный человек... я не коммунист, не эс-эр, не монархист, я просто русский. И к тому же – политически безразличный... В какой партии Гучков? А черт его знает, в какой он партии... не знаю и знать не хочу, а если узнаю, то Пушкина буду любить по-прежнему... (1991: 578).

В ГК сомнения в преимуществах социализма излагаются от лица отрицательного "буржуазного философа":

Богатство, капитал дает человеку по крайней мере уверенность... А тут где независимость я буду искать? Тут вы меня суете в лапы к людям. У них искать независимость?... [К]акое-нибудь свирепое начальство... меня в бараний рог согнет... [М]не пятьдесят три года. А в эти годы, господа, я должен быть богат... Меня уже принимают с поправкой на мое состояние. А у меня, господа, отнюдь не меньше желаний... (3: 443-444).

Далее "философ" заговаривает о роли денег в приобретении сексуального внимания — à la Ф.П. Карамазов. Но еще в ВМ те же соображения развивал ошибающийся, но в целом близкий автору профессор Волосатов:

Да, вот, он за капиталистический мир... Нет, он вообще против капитализма... Но он против равенства. Он за социализм с деньгами... [О]н видит более сложные вещи. Ну, хотя бы старость и уродство, ничем не компенсированные. "Ну, это уже свинство, — сердилась Лида. — ... Значит, ты хочешь, чтобы старики были бы богатые и имели возможность покупать в жены молодых женщин".

После ряда перипетий, в которых за омоложением с помощью физкультуры следует неудачная женитьба на молодой соседке, привлеченной деньгами профессора ("Она была рождена для капиталистического строя. Ей нужны были коляски и автомобили... девчонки со шляпными коробками..."), последний вынужден заявить, что "он идет за... новый мир, в котором все человеческие чувства будут подлинные... а не покупные" (ВМ; 3: 42, 48-49, 38, 77).

Да и вообще "деньги" потому занимают такое место в текстах Зощенко (и даже образуют заголовок одного из пяти разделов ГК), что кажутся верным, — а оказываются ненадежным — "гарантом" покоя и благополучия.

Страх оказаться "снутым в лапы к людям" (опять "рука") постоянно занимает героев Зощенко. Иногда — как страх высших властей, осторожно объясняемый действиями рядовых граждан и связанный с фобией гостей:

Разговорившись о политике, гости решают позвонить в Кремль, несмотря на ужас хозяйки ("Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать"), а вскоре раздается грозный ответный звонок; все в страхе расходится. "Оказывается, один из гостей... побегал в аптеку и оттуда позвонил, с тем чтобы разыграть всю компанию (ГК, "Интересный случай в гостях"; 3: 316-319).

Обертонами обоего рода — "кремлевскими"<sup>15</sup> и "гостевыми" — последний сюжет перекликается с рассуждениями рассказчика одной из сентиментальных повестей, мечтающего об идеальном разрешении гостевого вопроса:

[Е]сли б автора спросили: "Чего ты хочешь?..." Ну, чтобы люди в гости стали ходить, что ли, так, для приятного душевного общения, не имея при этом никаких задних мыслей и расчетов...

Вот один милый дом. Гости туда шляются. Днюют и ночуют... И кофе со сливками жрут. И за молодой хозяйкой почтительно ухаживают и ручки ей лобызают. И вот, конечно, арестовывают хозяина-инженера. Жена хворает и чуть, конечно, с голоду не околевет. И ни одна сволочь не заявляется. И никто ручки не лобызает. И вообще пугаются, как бы это бывшее знакомство не кинуло на них тень. Но вот инженера освободили... И все снова завертелось. Хотя инженер стал грустным и к гостям не всегда выходил, а если и выходил, то глядел на них с некоторым испугом и удивлением ("Сирень цветет"; 2: 147-149).

Узнаваемые советские ситуации накладываются здесь не только на "гостевой" топос Зоценко, но и на факты его жизни: с одной стороны его хлопоты за арестованного родственника, а с другой, его уклонение от контактов с шумными гостями на половине жены.<sup>16</sup> Амбивалентность же примера состоит в том, что вина старательно возлагается все-таки не на власти, а на самих гостей.

Двойственность по отношению к власти может проявляться и в прямом расщеплении ее на вышестоящую и нижестоящую инстанции, из которых лишь вторая оказывается виновной в том или ином злоупотреблении.

Получив от сына перевод, герой напивается, гордится, что "мужик в такой силе после революции"; проверяя свою власть, он все больше распоясывается, его арестовывают, и он констатирует, что "[в]рут, черти" ("Фома неверный"; 1: 218-221).

Сторож магазина сидит между двух запертых дверей – защищенный таким образом и от воров, и от соблазна украсть самому ("Ночное происшествие"; 2: 450-452).

Здесь характерны также мотивы в первом случае "недоверия" и "проверки", а во втором – любви к запиранию дверей, возведению барьеров и т. п., знакомой по ПВС.<sup>17</sup>

Преступность сторожей и вообще должностных лиц (в "Ночном происшествии" лишь превентивно подозреваемая) – готовый предмет для амбивалентного расслоения властей. В рассказе из ГК "Интересная кража в кооперативе" (и пьесе "Неудачный день") сторож сознается в мелком воровстве и разоблачает еще более преступное начальство; зато милиция выступает в роли бесспорного арбитра справедливости, без какой-либо амбивалентной примеси.

Аналогичные сюжеты – в рассказах "Спец" и "Собачий нюх".

Пытаясь скрыть растрату, управдом приглашает профессионального вора, чтобы тот связал и вроде как ограбил его, но тот начинает и действительно прихватывать кое-какие ценности; управдом поднимает крик, и милиция накрывает обоих (1: 308-310).

Следователь оказывается также и преступником, обкрадывающим свою собаку-ищейку; таким образом он замыкает собой круг криминальных разоблачений всех остальных персонажей (1: 181-182).

В последнем случае праведная роль у милиции как будто отнимается и передается собаке, но опять-таки милицейской.<sup>18</sup>

В области секса готовым предметом для разработки двусмысленных взаимоотношений с властью служит проблема алиментов.

Ухажер берет у девушки расписку об отказе "в случае чего" от финансовых претензий. "Я, говорит, уже много лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего боюсь... Я, говорит, находясь с такой распиской, буду, говорит, еще более с вами любезен, а то, говорит, сейчас, когда каждое действие предусматривает уголовный кодекс, я нахожусь как скованный и... буду... беспокоиться за свои действия". Однако в дальнейшем суд приговаривает его уплате алиментов (ГК, "Последний рассказ под названием «Коварство и любовь»"; 3: 270-272).

Амбивалентность этой ситуации состоит в том, что подавление либидо властью предстает то ли как этически и юридически целесообразное сдерживание, то ли как насильственная кастрация. Действительно, фраза о "скованности" непосредственно перекликается с зощенковской критикой в ПВС подавления фрейдовского "Оно" – подавления, объявленного неправильным методом самоконтроля:

Есть и еще довод [будто]... заторможенность есть в некотором роде норма... Ибо счастье человечества не в свободной воле и не в свободном разуме. Счастье – в тех тисках, которые ограничивают людей в их желаниях (3: 690).

Однако и правильные, более органичные методы, предлагаемые Зощенко в ВМ и ПВС, мало отличаются от подобных "тисков", демонстрируя подлинную – а не сугубо риторическую, эзоповскую – амбивалентность писателя.

Вне фрейдистских категорий борьба с начальством за женщину амбивалентно представлена в рассказе "Метафизика":

Рядовой совслужащий мысленно отстаивает перед начальником-коммунистом право ухаживать за машинисткой дворянского происхождения, но оказывается, что тот сам с успехом ухаживает за ней (1: 113-115).

Биографической параллелью к этому сюжету может служить дворянское происхождение и упомянутая выше дискриминация жены Зощенко по этому признаку.<sup>19</sup>

В оригинальном повороте двойственное отношение к советской власти предстает в мотиве "чудесной сохранности" чего-то, принадлежащего прошлым временам, – как правило, мнимой.<sup>20</sup> В системе зощенковских мотивов это вариация на тему "гарантированного покоя" – амбивалентного ответа на "непрочность жизни"; в биографическом плане – реакция на пережитый писателем исторический "беспорядок" – революцию. Наиболее красноречивый пример – тот, где "сохранившийся" персонаж оказывается сумасшедшим, который воображает себя помещиком.

Он говорит: "У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более, мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье... У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее"... "Что же, говорю, вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?" – "Нет, говорит, это есть мое родовое имение, особняк... Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно вальсы играют... Я, между прочим, помещик". – "То есть, говорю... бывший помещик? То есть, говорю, пролетарская революция смела же вашу категорию". – "А вот... я... сумел сохраниться через всю вашу революцию, и, говорю, я плевал на всех – живу как бог. И нет мне дела до ваших, подумаешь, социальных революций" (ГК, "Мелкий случай из личной жизни"; 3: 435-436).

В реальности подобная "сохранность" была возможна лишь в недолгую пору нэпа.

В то время... в Крыму процветали крошечные частные пансиончики... [П]риезжим предлагали особый семейный уют, дворянскую обстановку... [Э]ти старушки... пройдя сквозь революцию... сумели сохранить свой собственный домик в Ялте... Это были две... так сказать, полномочные представительницы старого, погибшего мира... [Но з]наменитое землетрясение в Ялте разрушило их виллу "Тишина"... "Конечно, я понимаю, что революция тут не при чем... Только иронически можно было называть так, как мы назвали, нашу виллу ("Тишина"; 2: 296-304).<sup>21</sup>

Даже в ГК, постоянно разоблачая ценности и нравы буржуазного строя, рассказчик предусматривает сохранение некоторых его очагов, хотя бы как ностальгических курьезов:

[С]тарый мир... рассыплется в прах и в тартарары. Разве что ради курьеза где-нибудь останется что-нибудь такое вроде Монте-Карло, куда специально будут приезжать любители вспомнить о прошлой жизни (3: 528).

Чаще всего о "сохранности" мечтают старорежимные типы или советские приспособленцы. Например, изгоняемый из партии пьяница и развратник, осуждение которого, однако, носит амбивалентный характер, напоминающий сексуальное подавление в ряде примеров, приведенных выше.

Что меня вычистили, я никакого горя не имею... И то нельзя, и это не так, и жену не поколоти... Профессия моя хороша при всех режимах. Так что я плевал на вас всех, вместе взятых (ГК, "Рассказ о человеке, которого вычистили из партии"; 3: 382).<sup>22</sup>

Совершенно, казалось бы, растленный тип использован здесь для эзоповского высказывания мыслей, дорогих его автору – тоже "профессионалу", надеющемуся сохраниться с помощью своего беспартийного искусства. Действительно, целый ряд более или менее прямых высказываний писателя и сходных пассажей из его художественных текстов свидетельствует о том же стремлении укрыться от перемен в некой башне слоновой кости. В автобиографии 1922 года есть знаменательная фраза: "Этакая, скажут, невинность сохранилась после трех революций" (1991: 578). Собеседнику-литературоведу Зощенко признается в спасительном

ощущении профессионализма, которое служит мне защитной доской, – она отделяет бушующие вокруг человеческие страсти от меня самого, от моего слишком уязвимого тела (Эвентов 1995: 363).

"Автор" повести "О чем пел соловей" предвидит возражения критиков:

Это, скажут, товарищ, не пример – собственная ваша фигура... Ваша, скажут, персона несозвучна эпохе и вообще случайно дожила до теперешних дней... [С]уществование ваше ни на чем не обосновано (2: 107).

А в аналогичном пассаже в "Мишеле Синягине" воображается средневековый феодал, который

[и]дет на прогулку, и даже на морде... никакой паники не написано... Надо сказать, если б автор жил в ту эпоху [в беспокойном XVI веке], его бы силой из дому не выкурили бы. Так бы всю жизнь и прожил бы взаперти, вплоть до нашего времени (2: 180-181).

В последнем примере отметим, кстати, метафорическое желание "просидеть взаперти", характерное для МЗ с его комплексом "закрывания дверей", подробно рассмотренным им в ПВС и постоянно всплывающим в комических рассказах, например, в упомянутом "Ночном происшествии".

#### 4. Pro

Особый интерес представляют, конечно, мотивы, выражающие "приятие власти". В свете ПВС такая установка естественно вытекает из потребности в гарантиях порядка на фоне непрочности бытия.

Человек вдруг задумывается о том, что "не только его женитба, но, может... и вообще... все на свете непрочно... нету какой-то твердости... на земле нет одного строгого, твердого закона... [Раньше] многие поколения... воспитывались на том, что бог существует... Или наука... [Но оказывается] все неверно" ("Страшная ночь"; 2: 97).

Единственной надеждой является твердый порядок.

Но можно и, наоборот, усмотреть в ссылках на детские травмы и другие личные слабости мистифицированную апологию советской власти. На такое прочтение наталкивает характерный пассаж из "Мишеля Синягина":

Некоторые нытики способны будут все невзгоды приписать только революции... Очень, знаете, странно, но тут дело не только в революции.... [В]о все времена возможна и вероятна такая жизнь... Бывший учитель чистописания... любил говорить: "Меня, говорит, не революция подпилила. Если б и не было революции, я бы все равно спился, или бы проворовался, или бы меня на войне подстрелили, или бы морду свернули на сторону" (2: 181-182).

Недаром Зощенко неоднократно подчеркивал безоговорочность сделанного им выбора в пользу "новой жизни", а одну из ранних вещей даже посвятил садо-мазохистскому восприятию большевистской диктатуры как твердой руки, держащей нищевский хлыст.<sup>23</sup>

Часто "приятие" формулируется без восторга, в духе почти "мертвенного" согласия на минимум приспособления к новым порядкам, которые, к

тому же, оказываются даже не "новыми" в циничном свете глубинной неизменности человеческого общества.

Он поглядел, что к чему... И видит, что революция, хотя и многое изменила, но не настолько, чтобы поддаться панике ("Сирень цветет"; 2: 151).

Даже революция, сначала крайне смутившая Бориса Ивановича, после оказалась простой и ясной в своей твердой установке на определенные, отличные и вполне реальные идеи ("Страшная ночь"; 2: 94).

В других случаях приспособление рекомендуется как отчасти вынужденная, но разумная мера, соответствующая общим научным – "дарвиновским" – положениям о приспособлении к окружающей среде. Таковы два рассказа о том, как бытовые хлопоты возвращают хилого интеллигента к жизни:

Болезненный интеллигент, готовый "нырнуть хотя бы в ту же речку Фонтанку", сталкивается с реальными трудностями: уплотнением, ограблением, переломом руки. Он начинает добывать справки о болезни, ходить на массаж руки и т. п., чем и вылечивается от меланхолии ("Не все потеряно"; 1: 422-426).

Разочарованный художник "захворал... ослаб... душевно"; врач подтверждает, что он умирает, но жена требует, чтобы он сначала заработал себе на похороны и ей "вперед на два месяца". На улице ему неожиданно подают милостыню, он начинает прилично этим зарабатывать, постепенно поправляется и возвращается к своей основной профессии (ГК, "Рассказ о том, как жена не разрешила мужу умереть"; 3: 201-206).

В прямую противоположность амбивалентным обоснованиям права на любые взгляды, отстаиваемого в рамках "антисоветской" позиции, при установке на "приятие власти" утверждается, хотя и с иронической ухмылкой, что:

Какая жизнь идет – в той [человек] и прелестно живет... В этом смысле жизнь имеет очень строгие законы, и не всякий может поперек пути ложиться и иметь разногласия ("Мишель Синягин"; 2: 181).

Впрочем, некоторые подобные соображения сохраняют отчасти амбивалентное звучание благодаря тому, что вкладываются в уста сомнительным персонажам вроде "буржуазного философа" из ГК. Последний, кстати,

пророчествует, что и в советской стране все вернется на круги своя, — применяя характерную формулу о стаптывании башмака по ноге, которая кочует у Зощенко от отрицательного философа к персонажам, более близким автору.

А кроме того, — холодно добавляет [буржуазный философ], — ... человеческие свойства неизменны. Все равно обувь стопчется по ноге... Какой другой мир?... Люди есть люди... и тут башмак стопчется по ноге (ГК; 3: 398, 445).

Пусть [прошлый] мир [был] несправедливый... но я предпочитаю видеть богатых и нищих вместо тех сцен, какие мы видим. Новый мир — это грубый мужицкий мир... Что же касается справедливости, то я... предполагаю, что башмак стопчется по ноге (ПВС; 3: 592; слова сестры бывшей возлюбленной МЗ).

Разные святые слова... а сами сколько прекрасного народу сожгли на своих поповских кострах. Ради, так сказать, чистоты христианского учения. Вот уж, можно сказать, башмак стоптался по ноге (3: 282; "автор" ГК об инквизиции<sup>24</sup>).

Важность не морального, а научного — "без-ошибочного" — подхода специально подчеркивается Зощенко, работая в конечном счете на приятие советской реальности.

Не нравственные мотивы и не страх наказания за свои младенческие "влечения", иного характера страх — страх к предметам, в условном значении которых младенец ошибся, — вот что имеет место (ПВС; 3: 646).

На 36-м году жизни Наполеон делает первую грубейшую ошибку. Он впервые выказывает страх (то есть, попросту, слабость нервов) перед Бурбонами — арестовывает... герцога Энгийенского и расстреливает его... Фуше остроумно сказал: "Это было больше, чем преступление, — это была ошибка" (ВМ; 3: 92-93).

И уже в безусловно просоветском ключе социализму приписывается полное соответствие излюбленным зощенковским идеалам "гарантированного покоя":

А поскольку у нас перемена курса — наше будущее нас, естественно, не волнует... [У] всех теперь возникла полная уверенность, что все [это]... окончательно уйдет и превратится в прах (ГК; 3: 328, 356).

Пример благотельности власти, от которой могло бы ожидаться суровое вмешательство, — рассказ "Водная феерия", где источником опасности является вода, залившая гостиничный номер.

Администрация говорит: "Да вы напрасно горячитесь... Мы, кажется, с вас убытков не требуем..." Инженер... говорит, показывая на ванну: "Видите ли... при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пределы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка... не успела поглотить текущую жидкость... Мы исправим. Это технические неполадки, которым не место в нашей славной современности. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство... Подайте заявление — мы возместим убытки" (2: 255-258).

Налицо "пронаучное" и "просоветское" обращение "антисоветской" ситуации с поливальной машиной из рассказа "На улице", рассмотренного выше.

Опасения вмешательства со стороны властей вообще часто оборачиваются благополучным обнаружением его благотельной справедливости.

Герой рвется в ресторан, говоря, что его рабочая одежда — не основание не впускать его, а узнав наутро в милиции, что его выперли и задержали как пьяного, радуется торжеству справедливости ("Рабочий костюм"; 1: 302-303).

Отчасти сходна ситуация в рассказе "Не надо иметь родственников":

Встретив в городе своего племянника в лице трамвайного кондуктора, деревенский дядя отказывается платить ему за проезд: "Сядь я на другой номер... заплатил бы... С родного дядю? Ты не махай руками". Племянник ссаживает его (1: 239-241).

Правда, дядя не признает своей вины, но мораль рассказа явно такова, что племянник правильно учит дядю культуре. А в детском рассказе "Золотые слова" (1978: 310-316) папа "справедливо" принимает сторону неприятного начальника против собственных детей.

Как всегда, этим комическим сюжетам отыскиваются параллели в ПВС.

Получив в школе единицу, МЗ реагирует так: "Я говорю:... Если будут ставить единицы за все, чего я еще не знаю, то я много нахватаю единиц". — "Это стихотворение было задано"... Ах, оно было задано?... В таком случае это недоразумение. Мне становится легко на душе, что это недоразумение (3: 541).

Эта жажда "справедливости", пусть суровой, является, как было сказано, оборотной стороной "страхов" по поводу полной непредсказуемо-

сти существования. Мысли о непрочности человеческого организма, материи ("товар и тот распасться начал" – "Царские сапоги"; 1: 377-379) и вообще жизни, в которой "смешно и глупо располагаться, как в своем доме" (ГК; 3: 397), Зоценко развивает постоянно. Иногда – с большей, иногда – с меньшей иронической отчужденностью: в ВМ – от имени двусмысленного рассказчика, в ГК – от имени "буржуазного философа", в ПВС – практически от собственного имени. Таким образом, готовность одержимого страхами неврастеника укрыться под сень "порядка" имеет как общеэкзистенциальные обертоны (отсюда пресловутый морализм Зоценко), так и более актуальные, "просоветские", "коллорабационистские".

На сексуальном фронте теперь в положительном свете предстает власть партийного мужа над более отсталой женой: возникает уравнение "партия, власть = культура". Таковы два рассказа на тему о повышении образовательного уровня неграмотной жены партийца:

Темная жена ответственного работника согласна, что он вправе бросить ее за темноту и необразованность, но, чтобы удержать его, она решает выучить "дробь" и обращается за этим к фельдшеру, который говорит, что "[м]едицины это не касается", и направляет ее к учителю ("Пациентка"; 1: 235-237).

Неграмотная жена советского начальника находит у мужа надушенное письмо, подозревает измену. Научившись читать, она убеждается, что письмо – от его заботливой сослуживицы, настаивающей на ликвидации безграмотности жены (ГК, "Рассказ о письме и о неграмотной женщине; 3: 247-250).

Целую главу приятия власти образуют истории с милицией (где Зоценко как никак некоторое время работал). Начинаясь с инвариантных "необоснованных подозрений", они кончаются идиллическим изображением милиции как гаранта и воплощения порядка;

Публика высказывает различные догадки о преступлении, совершенном гражданкой, которую ведет под руку милиционер, пока не выясняется, что тот просто прогуливается со знакомой ("Уличное происшествие"; 1: 303-304).

Интересное совмещение "милицейского комплекса" с инвариантным мотивом "научной аномалии" (закономерного нарушения научной картины мирового порядка) – "Научное явление".

Публика недоумевает, почему всех электричество дергает, а милиционера – нет. Оказывается, что дело в его галошах: "Рези-

на же не имеет права пропускать энергию"... Милиционер... скинул свои калоши... Тут у лужи его и дернуло!... Народ стал спокойно расходиться... А милиционер... пошел стоять на свой перекресток (1: 409).

Все это – и свойства резины, и свойства электричества, и стояние на своем месте (перекрестке) – типичные проявления излюбленного Зоценко "порядка", научного и социального.

Милиция выступает у Зоценко и в культуртрегерской роли, например, в рассказе о вздорном провинциальном папаше, которого перевоспитывает милицейская отдача чести гражданам, возводимая к традициям бывших баронов ("Огни большого города"; 1936; 2: 277-280). Налицо почти точное обращение ситуации в "Страданиях молодого Вертера" (1933; ГК; 3: 364-368), где рассказчик мечтает зажить "как фон-бароны", а его хватают "клешней" и собираются "волочить в милицию".<sup>25</sup>

Любопытная коллизия – в рассказе "На дне":

Бандиты окончательно спаивают уже клюкнувшего в ресторане гражданина, а затем на улице бьют, раздевают и обирают его. Воров вскоре задерживают, а устыженную жертву долго ищут, наконец находят и... опознают с помощью преступников (2: 252-255).

Жертва оказывается хуже преступников, наглядно демонстрируя зоценковский принцип "я сам виноват" (подробно проиллюстрированный в ПВС) и общую благодетельность власти.

Ряд сюжетов исключает даже и момент сомнений в справедливости милиции:

У героя в трамвае крадут часы, ему советуют обратиться в угрозыск, он всячески отказывается, но вынужден идти; там его и "заматают" за прошлые преступления ("Часы"; 1: 332-333).

Человек взявший примерить покупаемые с рук сапоги и долго не возвращавшийся, "уж хотел [их] в милицию нести, чтобы невольно не оказаться вором" ("Сапоги"; 1991: 483-485).

Полная мера милицейской справедливости выявляется по контрасту с преступностью и аморальностью настоящих классовых врагов.

Нэпмана вызывают в ГПУ – как выясняется, всего лишь свидетелем, но тем временем родственники, сидевшие за его столом и "жр[авшие его] продукты без устали", предполагают "высшую меру" и по дешевке распродают все его имущество ("Спешное дело"; 1991: 278-280).<sup>26</sup>

Здесь отчасти узнается более амбивалентный сюжет с гостями, отворачивающимися от ошибочно арестованного (см. выше), но на этот раз нет сомнений в преступности нэпмана, который пока наказан подлым поведением родственников, но в дальнейшем не уйдет и от государственного правосудия.

Подобное принятие стороны ГПУ против нэпманов – не изолированный случай у Зощенко. Так, развязкой одного рассказа на сексуальные темы ("Последний рассказ под названием «Счастливым путь»" в ГК; 3: 214-219) служит ссылка нэпманиши, призванная вернуть ее к реальности и заставить примириться с таким партнером, которого привлекут не ее деньги, а ее личные качества. Это опять-таки просоветская версия знакомых проблем, например, – занимавших профессора Волосатова, только теперь автор сам, так сказать, сует героиню в лапы к людям.

Крайний случай авторского самоотождествления с властью являются осуждающие рассказы об эмигрантах и "бывших", к которым Зощенко, несомненно, испытывал очень болезненную личную и символическую близость.

Виновником поджога оказывается гостивший у жильцов родственник, он же – родственник бывшего владельца, надевавшийся после пожара добраться до зарытых драгоценностей ("Загадочное преступление"; 1991: 451-454).

Но есть и более сложные случаи:

Обнищавший богач сжигает после революции свой дом, чтобы он не достался мужикам ("Последний барин"; 1991: 168-176).

Интурист-эмигрант посещает местность, где у него была дача и романы с дачницами, и счастлив узнать, что она сгорела и, значит, никому не досталась ("Дача Петра Свинцова"; 1991: 438-440).

Бывший сенатор прикидывается простым мужиком и разочарован, когда рассказчик отказывает ему в статусе опасного человека, разыскиваемого властями ("Сенатор"; 1: 132-136).

В этих "просоветских" трансформациях мотива "чудесной сохранности" (иной раз причудливых – когда "сохранность" объекта достигается путем уничтожения) заметен автобиографический элемент. В ПВС несколько раз проходит тема визитов МЗ в места его дореволюционной жизни, воспоминаний о сгоревших и разгромленных домах, детских и юношеских романах, эмигрировавших возлюбленных, самоотождествлении с нищими и

т. п.<sup>27</sup> А языковая маска бывшего сенатора очень важна для понимания сказовой маски самого Зощенко, особенно в свете остро переживавшейся им идентификации с другим опустившимся "бывшим" – поэтом-декадентом Т[иняков]ым, собиравшим милостыню на улицах Ленинграда.

## 5. Медицина как власть

Милиция, партия, профсоюз, комячейка, административные органы – не единственные воплощения власти в зощенковском мире. Роль символических родительских и властных фигур играют также всевозможные кондуктора, буфетчики, банщики и другие мелкие начальники. Особое место среди них занимают медицинские работники.<sup>28</sup>

Болезненный интерес к "медицинской" тематике определяется такими центральными зощенковскими инвариантами, как ипохондрические страхи по поводу физического и психического здоровья, вера в спасительную силу разума и науки, в частности медицины, и недоверчивая охрана границ собственной личности, откуда боязнь врачей и соответственно установка на самолечение. В результате, медицина часто предстает у Зощенко как источник опасности, а то и довольно прозрачная, но вполне подцензурная – эзоповская – метафора власти, предвосхищая наши сегодняшние, в духе Мишеля Фуко, представления о властной природе института медицины.

Кстати, среди множества разнообразных масок, примериваемых зощенковским автором-рассказчиком, есть и врачебная. Впервые она появляется в рассказе "Какие у меня были профессии" (1933), то есть одновременно с "медицинской" книгой ВМ:

Рассказчик "одно время был врачом" – избранный солдатами после Февральской революции, он давал всем желающим освобождение. "Ну, напишешь ему: душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь... поглядеть на домашних" (2: 240-247).

Здесь примечательно полное слияние врачебной фигуры с властью, причем обе выступают во вполне благоприятном, хотя и тронутом иронией, освещении.

В роли врача-любителя, подающего советы невротикам и тем самым в каком-то смысле распоряжающегося их жизнью, выступает и автор-рассказчик ПВС. Особенно примечателен эпизод с бывшей возлюбленной, которую МЗ решает оставить, как есть, – в состоянии "мертвенного покоя" ("Пресыщение"; 3: 632-634). Однако главные усилия МЗ-врач направляет на самого себя – в соответствии с недоверием к вмешательству медицины и с глубоким убеждением, что человек сам виноват и должен помочь себе сам.

В качестве примеров для подражания МЗ избирает великих людей, доказавших способность совладать с болезнями и научно перестроить работу своего организма.

Наполеон был умен... понимал физическую сущность вещей. В 1810 году он посетил лагерь зачумленных. Он хотел показать пример мужества и бесстрашия... "Кто способен побороть страх, тот может побороть и чуму" (ВМ; 3: 93).

Это типичный случай "удивительной смелости" и в результате – победы над болезнью и смертью.

Аналогичная власть над собственной жизнью приписывалась Гете, которым Зоценко не переставал восхищаться (в частности, в "Комментариях" к ВМ):

Гете... стремился к точности и порядку.. [О]н не имел в молодости здоровья... Он не мог переносить даже малейшего шума... Он боролся со своим нездоровьем... чрезвычайно настойчиво и обдуманно... Он приходил в казармы, где бьют в барабан, и подолгу заставлял себя слушать этот шум. Иной раз он, будучи штатским человеком, шагал вместе с воинскими частями, заставлял себя маршировать под барабанный бой... Он стал посещать больницы, следил за операциями и этим необычным способом укрепил свои нервы..

[Эккерман:] "Вы говорите о смерти, как будто она зависит от нашего произвола?" – [Гете:] "Да... я часто позволяю себе так думать... Я неминуемо заразился бы гнилой горячкой [поранив палец], если б не устранил от себя болезнь твердой волей... Вести беспорядочную жизнь доступно каждому", – писал Гете. И, будучи министром, говорил: "Лучше несправедливость, чем беспорядок" (3: 99-100).<sup>29</sup>

Эта сочувственная цитата из великого писателя, естествоиспытателя, мастера самолечения и министра, являвшего для Зоценко образец гармоничного симбиоза человеческой личности с медициной и властью, должна была в тысяча девятьсот тридцать третьем и последующих годах звучать очень и очень актуально.

\* \* \*

Подытожим сказанное. Самый характер детских травм Зоценко – боязнь родительских фигур и страхи по поводу нарушения границ его личной сферы – не только мотивирует богатство его архетипического

репертуара, но и заранее делает его идеальным писателем на глубоко "советскую" тему авторитарного подавления личности, всего частного, privacy, и т. д. Рано сложившееся ощущение ненадежности существования получает сильнейшее подкрепление в годы революции, ознаменовавшей гибель всего привычного уклада жизни. Чтобы восстановить потерянное душевное равновесие, Зощенко старается принять справедливость нового порядка (ибо всякий порядок для него лучше ненадежного хаоса) и усиленно, в роли благонамеренного сатирика, способствовать его поддержанию и совершенствованию. Однако "порядок" не оправдывает этих надежд, а напротив, подтверждает худшие опасения, превосходя в своей фантазмагорической реальности самые смелые художественные упражнения на параноическую тему "недоверия".

Общий баланс в художественной трактовке взаимоотношений Зощенко с властью предстает более или менее амбивалентным, с уклонами в обе крайности – про- и анти-советскую. Таким рисуется союз личного и общественного в литературной физиономии Зощенко. Выразитель собственной "душевной" проблематики<sup>30</sup> оказывается и зеркалом своей исторической эпохи, но не только и не столько как сатирик-бытописатель советских нравов, сколько как поэт страха, недоверия и амбивалентной любви к порядку.

### Примечания

- 1 Дальнейшие ссылки на это издание ограничиваются указанием тома и страницы.
- 2 Основные на сегодня источники биографических данных о Зощенко это работы Долинского, Бабиченко, Скэттон и Томашевского; на них (в первую очередь, на Томашевском 1994: 340-365) и основаны намеченные четыре "сюжета"; сводный обзор личной жизни Зощенко см. в Жолковский 1996в: 139-140.
- 3 См. мои работы; о ПВС см. Мазинг-Делич, Мэй, Хэнсон.
- 4 О властной тематике в ПВС и детских рассказах Зощенко см. Хэнсон; о властных аспектах авторской маски в ПВС см. Мэй.
- 5 Об этих и связанных с ними мотивах см. Жолковский 1996а,б, 1997в.
- 6 Собственно, уже и Пенкин ("какой-то, кажется, работник водного транспорта") – фамилия условная и явно не кремлевского масштаба.
- 7 О "руке" см. Мазинг-Делич, Жолковский 1995а,в; о "Страданиях молодого Вертера" – Жолковский 1997б.

- <sup>8</sup> О "правильном функционировании" см. Жолковский 1996б, 1997б.
- <sup>9</sup> Об этом мотиве см. Жолковский 1996б: 389.
- <sup>10</sup> О "гостевом" топосе у Зоценко в связи с его боязнью родителей, воров, нищих и представителей власти см. Жолковский 1996а, 1997в.
- <sup>11</sup> Эта информация основана на устных свидетельствах людей, знавших Зоценко.
- <sup>12</sup> См. Авдашева: 452; о проблематичной "совместной жизни врозь" Зоценко с его женой свидетельствует ряд мемуаристов и он сам в ПВС см. Жолковский 1996в).
- <sup>13</sup> Эта история была записана со слов Зоценко, в частности, Чуковским (1994: 269; см. также Чудакова: 177-178), Гитович (278-279), Леонтьевой (545-547).
- <sup>14</sup> О "Монтере" см. Жолковский 1996а, 1997а; эпизод с Друзиным описан, в частности Граниным (483-497).
- <sup>15</sup> В ранних вариантах рассказа (впервые появившегося в 1927 году под названием "Неприятная история") звонившие требовали к телефону Троцкого; см., например, Зоценко 1933: 126-128.
- <sup>16</sup> См. примечание 12; о хлопотах за брата жены см., в частности, Долинский: 46-47.
- <sup>17</sup> См. Жолковский 1996а, 1997в.
- <sup>18</sup> Тем самым предвещается ситуация "Приключений обезьяны" (1991: 563-568), где, согласно Жданову, Зоценко "наделяет обезьяну ролью высшего судьи... и заставляет ее читать нечто вроде морали советским людям" (Жданов 1978: 10).
- <sup>19</sup> В. В. Зоценко "вычистили" из университета из-за социального происхождения (Слонимская: 141).
- <sup>20</sup> См. Жолковский 1996б.
- <sup>21</sup> Ялтинское землетрясение 1927 года как метафора "непрочности жизни" находится в центре рассказа "Землетрясение" (1: 441-444), герой которого благодаря своему алкоголизму практически не замечает происхождения катастрофы, являя еще один оригинальный вариант "чудесной сохранности". Само же землетрясение, особенно в свете сказанного героиней "Тишины", естественно прочитывается как метафора революции.

- 22 Этот сюжет лег также в основу многострадальной пьесы "Уважаемый товарищ".
- 23 См. "Чудесная дерзость" (Зощенко и Зоценко: 48-49). См. по этому поводу также соображения публикатора, В. фон Вирен (там же: 13), и Гроуза (354).
- 24 Есть устные свидетельства, что Зощенко любил употреблять это выражение и в частной жизни. Аналогичным образом, отданная "буржуазному философу" мысль, что "смешно и глупо располагаться в жизни, как в своем доме, где вам вечно предстоит жить" (З: 397), есть и в собственных зощенковских записях: "Мы живем очень коротко. И, может быть, не дело так располагаться в жизни – так всерьез" (Томашевский 1994: 129). И далее – тоже в полном согласии с "буржуазным философом": "Надо открыть клубы, публичные дома, ввести (ограниченную) собственность".
- 25 О соотношении этих двух рассказов и роли в них мотива "руки" см. Жолковский 1995а: 270, 276-277.
- 26 См. также пьесу "Преступление и наказание".
- 27 См. З: 568, 576-77, 490-92, 516. Примечательна текстуальная перекличка между одним таким ностальгическим визитом, по ходу которого дворник говорит МЗ: "А тут ваших дробили – красота!" (З: 491), и эпизодом из ГК, где строитель смертоносного потолка для матери Нерона заверяет своего августейшего заказчика: "Потолок сделаем – просто красота!" (З: 286).
- 28 Подробнее об этом см. Жолковский 1998.
- 29 Соответствующие максимы Гете (за помощь в поиске которых признателен Свену Спикеру) гласят (в моем переводе): "Лучше, чтобы случались несправедливости, чем чтобы они устранялись несправедливым способом" (2. 81.1; Гете 1993: 217); "Лучше чтобы по отношению к тебе была совершена несправедливость, чем чтобы мир был лишен закона, поэтому каждый должен подчиняться закону" (2.87.1; Гете 1993: 225). Впрочем, Зощенко мог иметь в виду и слова Гете, записанные Эккерманом 27 апреля 1825 г.: "Я ненавижу всякий насильственный переворот, так как при этом столько же уничтожается хорошего, сколько выигрывается" (Эккерман: 664).
- 30 О "душевных" мотивах у Зощенко см. Жолковский 1995б.

## Л и т е р а т у р а

- Авдашева, Н. 1995. "Принял на себя", *Воспоминания о Михаиле Зощенко*. Спб., 450-454.
- Бабиченко, Д. ред. 1992. "Михаил Зощенко: «Буду стоять на своих позициях»", *Исторический архив*, 1992 (1), 132-143.
- Гёте 1993 – J. W. Goethe. "Spruche in Prosa", *Sämtliche Werke. 40 Bände*, Bd.13, Frankfurt am Main.
- Гитович, С. 1995. "Из воспоминаний", *Воспоминания о Михаиле Зощенко*, Спб., 274-288.
- Гранин, Д. 1995. "Мимолетное явление", *Воспоминания о Михаиле Зощенко*, Спб., 483-504.
- Гроуз 1995 – R. Grose. "Zoshchenko und Nietzsche's Philosophy: Lessons in Misogyny, Sex and Self-Overcoming", *The Russian Review* 54 (3), 352-364.
- Долинский, М. 1991. "Документы. Материалы к биографической хронике", *Зощенко*, 1991, 32-144.
- Жданов, А. 1978 [1946]. "Доклад. т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», *Bilingual edition. Royal Oak (Mich.)*, Strathcona.
- Жолковский, А. 1995а. "Рука ближнего и ее место в поэтике Зощенко", *Новое литературное обозрение* 15, 262-286.
- Жолковский, А. 1995б. "К реинтерпретации поэтики Михаила Зощенко («Энциклопедия страха» и идейная структура рассказа «Душевная простота»)", *Известия АН. Серия литературы и языка* 54 (5), 50-60.
- Жолковский, А. 1995в. "Ессала! (К донжуанской теме у Зощенко)", *Ин-венции*, Москва, 57-71.
- Жолковский, А. 1996а. "Зощенко из XXI века, или Поэтика недоверия", *Звезда*, 1996 (5), 190-204.
- Жолковский, А. 1996б. "Food, Fear, Feigning, and Flight in Zoshchenko's "Foreigners", *Russian Literature* 40 (3), 385-404.
- Жолковский, А. 1996в. "Зубной врач, корыстная молочница, интеллигентный монтер и их автор: крепковатый брак в мире Зощенко", *Литературное обозрение*, 259-260 (5/6), 128-144.

- Жолковский, А. 1996г. "Еда у Зоценко", *Новое литературное обозрение* 15, 258-273.
- Жолковский, А. 1997а. "Монтер» Зоценко, или сложный театральный механизм", *Тыняновский сборник. Шестые тыняновские чтения*, Сост. Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова. Рига (в печати).
- Жолковский, А. 1997б. "Вертер на колесьях", *Лотмановский сборник 2*. Сост. Е. В. Пермяков. Москва, 377–392.
- Жолковский, А. 1997в. "Невидимые миру страхи: Зоценко-юморист в сумеречном свете «Перед восходом солнца»", *Мир Михаила Зоценко*, М. (в печати).
- Жолковский, А. 1998. "Зоценко: Медицина и власть", *Revue d'Etudes Slaves* (в печати).
- Зоценко, М. 1933. Рассказы. Париж: Иллюстрированная Россия (кн. 43, Приложение за 1933 год).
- Зоценко, М. 1978. *Избранное в двух томах*. Том 1. Рассказы и фельетоны. Повести, Л.
- Зоценко, М. 1987. *Собрание сочинений в трех томах*, Л.
- Зоценко, М. 1991. *Уважаемые граждане. Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии*. Подг. М. Э. Долинский. М.
- Зоценко, М., Зоценко В. Б/д. *Неизданный Зоценко*. Ред. и предисл. В. фон Вирен. Ann Arbor.
- Леонтьева, Г. 1995. "Ненаписанная новелла", *Воспоминания о Михаиле Зоценко*, Спб., 541-552.
- Мазинг-Делич 1980 – Irene Masing-Delic. "Biology, Reason and Literature in Zoshchenko's «Pered vosходом solnca»", *Russian Literature* 8, 77-101.
- Мэй 1996 – Rachel May, "Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's «Before Sunrise»", *Slavic Review* 55 (1), 106-124.
- Скэттон 1993 – Linda Scatton, *Mikhail Zoshchenko: Evolution of a Writer*, Cambridge University Press.
- Слонимский, И. 1995. "Что я помню о Зоценко", *Воспоминания о Михаиле Зоценко*, Спб., 139-153.

- Томашевский, Ю. В. (сост.) 1994. *Лицо и маска Михаила Зоценко*, М., Олимп-ППП.
- Томашевский, Ю. В. (сост.) 1995. *Воспоминания о Михаиле Зоценко*, Спб.
- Хэнсон 1989 – Krista Hanson. "Kto vinovat? Guilt and Rebellion in Zoshchenko's Accounts of Childhood", *Russian Literature and Psychoanalysis*. Ed. D. Rancour-Laferriere. Amsterdam & Philadelphia, 285-302.
- Чудакова, М. О. 1979. *Поэтика Михаила Зоценко*, М.
- Чуковский, К. И. 1994. *Дневник 1930-1969*, М.
- Эвентов, И. 1995. "Встречи, беседы", *Воспоминания о Михаиле Зоценко*, Спб., 361-371.
- Эккерман И. П. 1934. *Разговоры с Гете в последние годы его жизни*. Пер. и прим. Е. Т. Рудневой. М.